

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Д. С. ЧАНТУРИШВИЛИ

ИЗ ИСТОРИИ ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Грузинско-русские языковые контакты, носившие до начала XIX в. спорадический характер и осуществлявшиеся главным образом через литературные связи, вот уже 170 с лишним лет являются постоянно действующим (хотя и по-разному проявлявшимся) фактором в жизни грузинского народа и его языка: если до установления советской власти в Грузии коммуникативная функция грузинского языка всячески ограничивалась, то после установления советской власти грузинский язык получил ничем не ограниченные возможности развития во всех его стилевых разновидностях.

Общественно-политическая действительность, установившаяся в Грузии после 1801 г., важные своими последствиями связи прогрессивных демократических сил Грузии и России, усиливающаяся тяга к образованию — все это выдвигало настоятельную необходимость изучения русского языка и обучения ему. Не последняя роль в этом принадлежала словарям и прежде всего — двуязычным. Так в самом начале прошлого столетия возникла острая потребность в двуязычных словарях — русско-грузинском и грузинско-русском.

В России к тому времени уже был создан знаменитый «Словарь Академии Российской» (1789—1794), составивший целую эпоху в истории русской лексикографии, а Грузия располагала поразительным по своей точности и лаконичности «Грузинским словарем» Сулхана-Саба Орбелиани (1658—1725), до сих пор являющимся одним из главнейших лексикографических источников картвелологов. Эти два лексикографических труда надолго определили содержание и характер работы грузинских ученых в области составления толковых и двуязычных словарей.

Одним из таких ученых, которого по праву можно признать лучшим языковедом первой половины XIX в., был представитель знаменитой династии Чубиновых (Чубинашвили) — Нико (Николай) Давидович. «Если о наследственности таланта можно еще спорить, — писал А. А. Цагарели, — то, кажется, спорить о наследственности известных занятий трудно. Это видно между прочим из очерка жизни Чубиновых: в течение более столетия из этого рода выходили писатели, книжники, типографчики и библиографы. С 1782 по 1891 годы мы встречаем в этом семействе три поколения книжников: свящ. Давид, дети его Иессей и Николай, сын Иессея Давид подвизаются на поприще грузинской литературы, педагоги и коллекционерства; свящ. Давид заведует грузинской государственной типографией и содержит частную школу, прот. Иессей пишет Грузинскую грамматику и преподает грузинский язык в Тифлисской духовной семинарии, Николай учителствует в Тифлисском благородном училище и пишет немало трудов по физике, математике, географии, по языку грузинскому (русско-грузинские разговоры, грамматические рассуждения,

словарь) и по археологии Грузии; наконец, Давид Иессеевич, живший и подвизавшийся при более благоприятных для учено-литературных занятий условиях, чем его предки, как количеством, так и качеством своих трудов далеко оставляет за собою своих родственников»¹.

Действительно, судьба Давида Иессеевича сложилась счастливее судьбы его дяди Николая Давидовича. Достаточно напомнить, что «в течение почти столетия Д. И. Чубинов и М. И. Броссе трудились на поприще грузинологии рука об руку, с редким единодушием, поддерживая и помогая друг другу словом и делом, оттого и совершили в этой области так много. Очерк их жизни и деятельности представляет весьма богатый материал для истории полувекового существования грузинологии в России, а именно с тех пор как грузинский язык и литература сделались предметом академического преподавания и систематической разработки»². Труды племянника стали широко известны еще при его жизни, тогда как богатое лексикографическое наследие дяди так и осталось бы лежать покрытым архивной пылью, если бы не энтузиазм грузинского языковеда и лексикографа А. А. Глонти, отдавшего на подготовку и публикацию словарей Нико Чубинашвили 20 лет жизни³, т. е. столько, сколько затратил на составление своих словарей сам Нико Чубинашвили⁴.

Н. Д. Чубинашвили (настоящая фамилия — Гиоргишвили. Чубин, т. е. «меткий», была кличка деда Н. Чубинашвили — Георгия) родился 15 апреля 1788 г. Сразу же после окончания Тифлисского благородного училища (1807) 19-летний юноша назначается преподавателем русского языка, а через шесть лет — и преподавателем математики в том же училище. В 1810—1814 гг. он переводит «Физику» Бриссона, «Физику» Гиляревского, а также учебники по арифметике и географии. В 1815 г. оставляет училище и назначается секретарем Синодальной конторы в Тифлисе. В 1821 г. назначается членом комиссии по переводу на русский язык грузинских законов, известных под названием Уложения царя Вахтанга VI. В 1825 г. переводится на службу в Петербург и назначается переводчиком грузинского языка при Азиатском департаменте МИД. В 1837 г. по состоянию здоровья возвращается на родину, но продолжает числиться на службе в МИД. В 1842 г. совершает археологическое путешествие по Самцхе, Имеретии и Мегрелии, а в 1845 — в Иерусалим, где снимает копию портрета Ш. Руставели с одной из фресок и дает описание Крестного монастыря и некоторых грузинских рукописей, хранящихся там. Как отмечает А. А. Глонти, именно Н. Д. Чубинашвили (а не Н. Я. Марру, как это полагали в свое время) принадлежит честь открытия в этом монастыре знаменитого «Жития Григория Хандзтийского» (Н. Я. Марр вторично открыл и блестяще издал этот памятник с соответствующим научным аппаратом и русским переводом)⁵. Скончался Н. Д. Чубинашвили в 1845 г. в Петербурге, где и похоронен.

Среди других книг и рукописей, оставленных племяннику Давиду, Н. Д. Чубинашвили особо отметил составленные им полные грузинско-русский и русско-грузинский словари, которым, как он сам пишет, нет

¹ А. А. Цагарели. Сведения о памятниках грузинской письменности, I, выпуск третий, СПб., 1894, стр. I—II.

² Там же, стр. II.

³ См. об этом: В. Третьяков, Пятнадцать строчек в энциклопедию, Учит. газ. 19 IV 73.

⁴ См.: Н. Чубинашвили, Русско-грузинский словарь, I—II, Тбилиси, 1971—1973 (под ред. и с предисловием А. А. Глонти. Ред. обоих томов — Д. С. Мгеладзе).

⁵ Н. Чубинашвили, Словарь грузинского языка с русским переводом. Редакция и исследование А. А. Глонти, Тбилиси, 1961, стр. 7.

цены, ибо он им посвятил всю свою жизнь. Мнение А. А. Глонти о том, что работу над словарями Н. Д. Чубинашвили в основном завершил в Грузии, а в Петербурге он дорабатывал их и готовил к печати, нам представляется более вероятным, нежели мнение А. А. Цагарели, относящего лексикографическую работу Н. Д. Чубинашвили целиком к петербургскому периоду его жизни. Мнение это решительно поддерживает и Л. И. Кутателадзе⁶. Впрочем ни одно из этих двух мнений не подтверждено документально, и их авторы свои соображения высказывают предположительно. Вопрос этот не имел бы принципиального значения, если бы не одно обстоятельство: как показала Л. И. Кутателадзе в своей монографии, Иоанн Багратиони раньше Н. Чубинашвили (примерно к 1810 г.) закончил русско-грузинский словарь, явившийся переводом «Словаря Академии Российской». Однако М. А. Келенджеридзе, детально сличившая словари И. Багратиони и Н. Чубинашвили, пришла к выводу, что Н. Чубинашвили не был известен словарь И. Багратиони и что эти словари «отличаются построением, количеством словарных единиц, переводом слов»⁷.

Даже поверхностное сличение «Русско-грузинского словаря» Н. Чубинашвили (далее — РСНЧ) с его первоисточником убеждает в том, что этот словарь не находится в тесной зависимости от «Словаря Академии Российской», хотя своим существованием и обязан последнему. Сплошь и рядом пространному энциклопедическому толкованию слова в РСНЧ соответствует достаточно адекватная и предельно лаконичная передача его значения на грузинском языке. Вот один из типичных примеров. Слово *варган* в «Словаре Академии Российской» толкуется так: «Железное мусикийское орудие, простонародием употребляемое: длиною около вершка, коего головка почти в кольцо согнута; от того же места, где кольцо не довершается, протянуты два параллельно идущие треугольные брусочки; к середине головки приваривается стальная полоска, проходящая между брусков, не касаясь их, имеющая на конце крючок. Играют на сем орудии, приложя его к губам, вбирая и выпуская дух и приводя в движение перстом стальную полоску». Н. Чубинашвили это слово переводит как «короткий музыкальный инструмент из железа наподобие свирели». Нередко подобное пространное толкование в правой части РСНЧ заменит всего лишь одно слово — грузинское соответствие заглавного слова словарной статьи русского оригинала. Так, *велблюд* (*верблюд*) с очень подробным толкованием передается по-грузински как *аклеми*. Ясно, что для Н. Чубинашвили важна не точная передача содержания словарной статьи русского источника, а доведение до понимания грузинского читателя значения русского слова. Этой цели Н. Чубинашвили успешно добивается путем передачи значения заглавного слова без полного перевода словарной статьи. Тем самым РСНЧ, составленный на основании «Словаря Академии Российской», является не его переводом, но оригинальным лексикографическим трудом — и в построении словаря, и в подаче лексического материала.

Лексикографическая деятельность Н. Чубинашвили приходится на период, предшествующий возникновению сравнительно-исторической индоевропеистики. Тем более поражают его верные лингвистические суждения. Достаточно вспомнить, к примеру, замечание Н. Д. Чубинашвили по поводу этимологии топонимов *Осети* и *Двалети* (с остроумной анало-

⁶ Л. К у т а т е л а д з е, Лексикографические работы Давида и Иоанна Багратиони (Филологические исследования и тексты). ДД, Тбилиси, 1971 (на груз. яз.), стр. 106—107.

⁷ М. А. К е л е н д ж е р и д з е, Русско-грузинские рукописные словари XVIII—XIX веков, Тбилиси, 1961 (на груз. яз.), стр. 64—67.

гией русск. *столица* для доказательства того, что *Двалети* — это простое слово с суффиксом *-ети*, оно не имеет никакого отношения к сочетанию *два лета*), его рассуждения о некоторых буквах грузинского алфавита, его попытки при объяснении языковых фактов обращаться к фактам того же и других языков, а также к истории, чтобы согласиться с А. А. Глонти, утверждающим, что Н. Д. Чубинашвили следует отнести к числу предшественников компаративистов-индоевропейцев⁸. В словарной статье, посвященной букве *a*, в его «Грузинском словаре с русским переводом» имевшему к тому времени хождение мнению о феминизирующем значении *a* для выражения лица женского пола (при полном отсутствии категории рода в грузинском языке!) Н. Д. Чубинашвили противопоставил значительно более обоснованное мнение об отнесенности этого *a* в существительных лица к категории субъективной оценки, тем самым признав искусственность корреляции по полу в грузинском языке. В то же время, отдавая дань тогдашней лексикографической традиции, Н. Чубинашвили все же отразил в своем словаре несколько пар коррелятивных по полу существительных лица, например, в словарных статьях *богиня*, *владелец*, *владыка*, *господин* и др., а женские корреляты слов *граф* (*графиня*) и *император* (*императрица*) дал в виде грузинской транслитерации этих слов.

Таким образом, Н. Д. Чубинашвили с полным основанием можно считать пионером сопоставительного анализа лексики двух разнотипных языков, получившего дальнейшее развитие в трудах Я. С. Гогобашвили, Г. С. Ахведиани, С. Д. Пурцеладзе, С. М. Вачнадзе и других ученых. Он заложил в Грузии основы двуязычной лексикографии.

Приступая к составлению «Русско-грузинского словаря», Н. Д. Чубинашвили должен был решить ряд важных вопросов, связанных с источниками такого словаря, количеством толкуемых лексических единиц, принципами подбора слов и построения словарной статьи, проблемой «правой части» словаря и т. д. Источники РГСНЧ указаны вполне определенно: это — оба издания «Словаря Академии Российской» (1789—1794 и 1806—1822). «Новый словотолкователь» Н. Яновского (1803—1806), «Латинский лексикон с российским переводом» Розанова; для грузинской части источниками послужили «Грузинский словарь» С.-С. Орбелиани и «Словарь грузинского языка с русским переводом» самого Н. Д. Чубинашвили.

Н. Д. Чубинашвили не пошел по пути, избранному И. Багратиони: он не стал переводить на грузинский язык «Словарь Академии Российской», хорошо, по-видимому, понимая, что толковый словарь одного языка едва ли станет двуязычным словарем, если просто перевести на другой язык словарные статьи, оставив заглавное слово на том же языке.

Анализ РГСНЧ и его сопоставление с обоими изданиями «Словаря Академии Российской» наглядно показывают, что РГСНЧ не является копией словаря-источника ни по своей структуре, ни по подаче словарной статьи. Заглавные слова словарных статей в РГСНЧ расположены в алфавитном порядке, и этим РГСНЧ похож на второе издание академического словаря, однако словарная статья включает и однокоренные с заглавным словом лексические единицы, и этим РГСНЧ похож на первое издание академического словаря. Поэтому определить количество слов в РГСНЧ довольно трудно. По нашим подсчетам, в РГСНЧ 26 678 словарных статей, однако фактически толкуемых лексических единиц значительно больше, что можно видеть из следующей примерной ста-

⁸ Ал. Г л о н т и, Грузинский словарь Нико Чубинашвили, в кн.: Н. Ч у б и н а ш в и л и, Словарь грузинского языка с русским переводом, стр. 36 и сл. А. А. Цагарели также дает весьма высокую оценку лингвистическим рассуждениям Н. Д. Чубинашвили (А. А. Ц а г а р е л и, указ. соч., стр. LXV).

тистики: на букву А в словаре 1789—1794 гг. помещено 372 толкуемых лексических единицы, расположенных в 196 словарных гнездах; в словаре 1806—1822 гг. — 460 толкуемых лексических единиц и столько же словарных статей; в РСНЧ — 445 толкуемых лексических единиц, составляющих 274 словарных статьи. Видимо, здесь надо считать так же, как М. Броссе, в предисловии к «Грузинско-русско-французскому словарю» Д. Чубинашвили отметивший, что этот словарь «содержит в себе 19 866 статей, составляя 35 000 слов по методе принятой в нем лексикографии».

Таким образом, оригинально сочетая алфавитный способ расположения слов с гнездовым способом построения словарной статьи, Н. Д. Чубинашвили сумел поместить в свой словарь такое количество лексем, что имел серьезные основания назвать его «Полным словарем российско-грузинским».

«Словарь Академии Российской», а следовательно и РСНЧ отражают русский язык допушкинского периода. В грузинской части РСНЧ отражает язык дочавчавадзевского периода. Поэтому может создаться — и не без основания⁹ — впечатление об архаичности словарей Н. Д. Чубинашвили, их лишь историческом интересе¹⁰. А между тем сопоставление РСНЧ с трехтомным «Русско-грузинским словарем», изданным АН ГрузССР (1956—1959), дало весьма любопытные результаты: 7773 заглавных слова имеют толкование, полностью (658 слов) или почти полностью (7115 слов) совпадающее с толкованием этих слов в академическом трехтомнике. Это составляет почти 30% общего количества заглавных слов в РСНЧ. Если такое сопоставление распространить на все толкуемые слова, то процент этот значительно возрастет. Разумеется, семантическая тождественность десятков и даже сотен русских и грузинских слов начала XIX в. и 70-х годов XX в. не означает тождественности лексико-семантических систем этих языков той и нынешней эпох¹¹, однако наши статистические данные могут служить иллюстрацией тезиса А. А. Глонта о том, что Н. Чубинашвили вместе со своим братом Иессеем боролся за становление новогрузинского языка и что об этом свидетельствуют их грамматические труды и особенно — словари Н. Чубинашвили¹². Эти данные свидетельствуют о богатой интуиции и широкой эрудиции Н. Д. Чубинашвили, ориентировавшегося при отборе лексического материала не только на XVIII в., но и в значительной степени — на современную ему языковую действительность.

Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные. В РСНЧ более 800 слов имеют помету «простон.». Проверка этих слов по «Словарю русского языка» (I — IV, М., 1957—1961) показала следующее:

1. Многие слова с указанной пометой в четырехтомном словаре даются без всяких стилистических помет: *барахтаться, батрак, бедняк, бесталаный, богач, беременная, бужу, буян, быт, верещу, ветер, вилки, волоком, врежу, вхожу, высоко, вышка, головня, гладь, горчица, двенадцать,*

⁹ Достаточно привести такие формы 1-го лица ед. числа настоящего времени, как *бдю, блюду, вемь, влю ддю, кудесо, мышлю, мью, небрегу, нравлю* и мн. др.

¹⁰ Так отнесся, например, к словарю Д. Чубинашвили Н. Я. Марр (см. его «Древнегрузинско-русский словарь к 1—2 главам евангелия Марка», СПб., 1913, стр. III).

¹¹ Ср.: «Систематическое изучение лексики не может не быть проникнуто историзмом, снимающим метафизическое противопоставление синхронии и диахронии. Каждое состояние лексического состава есть лишь момент в цепи его непрерывных изменений. В каждом из таких исторических моментов даны отражения предшествующего движения, наложения разных эпох и стимулы дальнейших изменений» (Ю. С. Сорокин, Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века, М.—Л., 1965, стр. 20).

¹² См.: Ал. Глонт, указ. соч., стр. 48

дьякон, долото, дохлый, доска, один, если, озеро, жара, жнец, жгут, женитьба, жупан, заведомо, задушевный, залп, изумруд, копые, кочан, крохобор, культа, локоть, лачуга, лачужка, лестница, леший, ложь, люлька, междоусобица, меж, молотить, молоко, моряк, мошкара, муравей, мчать, нагайка, напачкать, напихать, наслюнить, насовать, нахлынуть, недоtroга, несушка, ничком, обойщик, полотно, плюсна, поверье, поголовно, погожий, подсвечник, снадобье, съедать, селянка, сорочка, толмачить, тридцать, тязга, уволакивать, хихикать, холостяк, щажу, юркнуть и др.

2. Ряд устойчивых сочетаний, имеющих в РГСНЧ указанную помету, в четырехтомном словаре дан без помет: *баклуши бить, взяться за ум, задеть за живое, (ни) зги не видать, зубы скалить, пустить в глаза пыль, выносить сор из избы* и др.

3. Многие слова с указанной пометой в РГСНЧ в четырехтомном словаре квалифицируются как «разг.» и «прост.»: *авось, ахинея, балагур, башка, болтушка, бородач, ветрогон, волокита, ворочу, вякать, дока, дребедень, дубасить, загулять, здорово, здоровяк, красотка, кукиш, ластиться, лизоблюд, мешанина, мяляга, мироед, мозгляк, мудрить, мусолить, мыкаться, навеселе, нахапать, нахрапом, нашлапать, нукать, обезде-нежеть, одёжа, озорник, окоlesiца, окрытсья, олух, паршвец, пачкун, поджилки, попустому, попусту, по-свойски, приструнить, проруха, пузо, раздолье, разноухать, скопидом, смекнуть, судачить, теплынь, улепётывать, фертик, хайло, хаять, хват, хорохориться, шушера, юлить* и др.

4. Ряд слов с указанной пометой в РГСНЧ в четырехтомном словаре квалифицируется как «устар.» или «обл.»: *бальяник, бальяничать, благой, властитель, грамотка, домовище, дуван, исполать, крючоктворец, курень, ледянка, лохмотник, попрошайка, присест, прямик, телепень, чудодей* и др.

5. Некоторые слова с указанной пометой в РГСНЧ в четырехтомном словаре квалифицируются как «народн.-поэт.» или «книжн.»: *кривда, кручина, памятую* и др.

6. Ряд слов с указанной пометой в РГСНЧ имеет значение, не засвидетельствованное в четырехтомном словаре: *экопанный, встряхиваю, втора, вызвездить, зрежу, кикимора, коротышка, кристалл, летун, обух, хохлач* и др.

7. Многие слова с указанной пометой в самом РГСНЧ даны в виде вариантов, один из которых квалифицируется как «стар.», а другой имеет вполне современное звучание и значение: *дроб и дробь, здравлю и здравствую, злодейственный и злодейский, клеветарь и клеветник, колокольница и колокольня, коромольник и крамольник, мних и монах, надобье и надобность, опаство и опасение, посельник и поселянин, хлап и холоп* и др.

8. Почти половина слов с указанной пометой в РГСНЧ отсутствует в четырехтомном словаре.

Перед Н. Чубинашвили не стоял вопрос о принципах выделения лексических единиц: они уже были разработаны составителями первого издания «Словаря Академии Российской». Тем не менее при подаче глагола Н. Чубинашвили пришлось отойти от принятого в русской лексикографии принципа, согласно которому в качестве заглавного слова дается инфинитив с последующим указанием отдельных форм данного глагола. Н. Чубинашвили, а еще раньше И. Багратиони, как правило, предпочтение отдают форме 1-го лица ед. числа глагола, и выбор этот вполне закономерен, поскольку в грузинском языке роль инфинитива выполняет смешанная глагольно-именная категория масдар, производная от глагола. Русский инфинитив в РГСНЧ передается старым способом — стилистически весьма невыразительным направительным падежом, тогда как

личная форма глагола дает несравненно более богатые возможности передачи семантики русского глагола на грузинский язык.

Система грамматических и иных помет в РГСНЧ в общем повторяет ту, которая принята в первом издании «Словаря Академии Российской», однако, в отличие от него, в РГСНЧ дается указание о заимствованиях. Особенно велико здесь число старославянизмов, имеющих в РГСНЧ помету «сл.». Их в словаре более двух тысяч, и именно они вместе с устаревшими формами создают впечатление архаичности словаря. Впрочем, как правило, наряду со старославянской формой дается и русская и наоборот, причем трудно решить, на какую форму автор ориентирует читателя, какой он сам отдает предпочтение: *вхожду* и *вхожу*, *град* и *город*, *клас* и *колос*, *пню* и *пью*, *действие* и *действие*, *змеи* и *змей*, *корова* и *крава*, *ночь* и *нощь*, *холод* и *хлад* и т. д.

Пуристическая установка относительно заимствований первого издания «Словаря Академии Российской» сохранилась и во втором. По данным В. В. Виноградова, в первом издании академического словаря 342 греческих, 107 латинских, 92 французских, 74 немецких слова¹³. РГСНЧ остался верен принципу академического словаря, хотя Н. Чубинашвили все же внес в свой словарь небольшую коллекцию иноязычных слов в несколько десятков единиц, не встречающихся ни в первом, ни во втором изданиях «Словаря Академии Российской»: *абака*, *аббат*, *авангардия*, *авантаж*, *адрес*, *акушер*, *амбиция*, *аншеф*, *аполог*, *аппетит*, *аппробация*, *асфиксия*, *атеист*, *багаж*, *бассейн*, *билет*, *катер*, *оригинал* и др. По нашим подсчетам, в РГСНЧ 313 греческих, 140 французских, 127 латинских, 67 немецких, 26 татарских, 13 турецких, 12 еврейских, 10 арабских и в пределах 10 — персидских, итальянских, голландских, венгерских, английских слов. Общее количество заимствований — около 800 слов. Иноязычное слово, как правило, толкуется, даже если (например, *автор*) оно употребляется в грузинском языке в том же виде (естественно, приспособленное к фонеморфологической системе грузинского языка). Принцип этот важен для двуязычной лексикографии, ибо едва ли имеет смысл без всяких пояснений помещать в двуязычный словарь заимствование, значение которого читателю непонятно.

Для «правой» части двуязычного словаря принимается позиция грузинского читателя. Так, слово *багча* (не *бакчал*), которое в «Словаре Академии Российской» (1806—1822) толкуется как «коробочка или ящичек, содержащий фунт чаю», раскрывается так: «по-русски (!) называется коробочка для одного фунта чая». Аналогичным образом толкуются слова *лапша* («русские макароны»), *империял* («русский золотой червонец»), *сажень* («три русских адли»¹⁴), *станция* («так именуют волжские и донские казаки свою деревню») и др.

Отраженная в словарях Н. Д. Чубинашвили лексика обоих языков отражает переходное состояние; в ней уже были предпосылки для последующих реформ А. С. Пушкина и И. Г. Чавчавадзе. Многое в принципах построения двуязычного словаря, предложенное и осуществленное Н. Д. Чубинашвили полтора-два десятилетия тому назад, сохраняет свою актуальность и сегодня.

Такова далеко не полная характеристика этого лексикографического памятника, ставшего теперь достоянием широкого читателя.

¹³ В. В. Виноградов, Русская наука о русском литературном языке, «Уч. зап. МГУ», т. 3, кн. 1, вып. 106, 1946, стр. 36.

¹⁴ Грузинская мера длины, равная русскому аршину.